

зверь суслик

Проницая взглядом равнину от края до края,
Суслик на грани ночи и дня замирает.
Пересекая линию горизонта,
он неподвижен, как половецкая амазонка.

Его дыхание становится ураганом,
сдвигающим камни с насиженных гнёзд туманных.
Взгляд пронзает меридианы и упирается в Солнце,
рождая протуберанцы и огненные колодцы.

Он видит всех: ушедших, живых и грядущих.
Табуны коней, копытами небо стригущих.
Корни дурман-травы под ним шевелятся,
потому что до одурения его боятся.

Давно перебили драконов и василисков,
и даже Горыныча, который летал слишком низко.
Только на этой равнине, на речном высохшем русле,
остался древний могучий зверь по имени Суслик.

Тень его наваливается на затонувшую Атлантиду,
и поля кузнечиков цепенеют от его боевого вида.
А он застыл, страшась даже стука упавших горошин,
чтоб мохнатой лапкой тихонько погладить цветок
усохший...

лисарх

По домам заброшенным, славный и босой,
ходит, словно время, человек с лисой.
По пустынным землям и по городам.
По раскатам грома. По чужим следам.

С рыжею лисою ходит по земле.
Он всегда – и трезвый, и навеселе.
Тянется на запад, бродит на восток
он одновременно. Я бы так не смог.

У него в кармане прячется лиса.
И в запасе – вечность (ровно полчаса).
Ливень бьет наотмашь. Грозная вода
смывает человека раз и навсегда.

А лиса таращит хитрые глаза.
Острыми зубами щелкает лиса.
Нужный, словно громкий прошлогодний смех,
молнию в кармане носит человек.

И горят деревни за его спиной.
Горько плачут дети, падая золой.
На погосте древнем, у разбитых плит
человек с лисою безмятежно спит.

Просыпаясь, гладит рыжего зверька.
Потому что добрый он, наверняка.

Потому что знает – всякому свой час.

Потому что любит каждого из нас.

иордань

Озеро. Зеркало. Зримое дно.

Час опадания снежного шороха.

Час приближенья шагов за спиной
на полпути между тьмой и заборами.

Вмёрзший кораблик сбился с пути.
Вмёрзший воробушек грезит полётом
в тёплой безвыходной белой горсти
на полпути к самым светлым воротам.

Сонные рыбы скользят подо льдом.
В рыбьих глазах колыхаются души.
Ангелы вьют для скитальцев гнездо
на полпути между небом и сушей.

Сыплются пёрышки прямо на рыб,
на воробья, на кораблик, на город,
на безнадёжный дорожный изгиб –
из-за петли оттопыренный ворот.

На полпути из варяг в пустоту,
радостно выискав дырку в кармане,
катится звонкое слово по льду,
чтоб навсегда замолчать в Иордане,

и, успокоившись, быть не при чем,
вне расписаний, инструкций и правил.
Тихо за правым озябшим плечом
мёртвый воробушек крылья расправил.

Играет на сломанной флейте перекасти-столетье.
Днём за кирпичными стенами прячется – не отличить.
А ночью залазит на дерево.
Бормочет себе, насвистывает.
Или же всеми забытыми ключами тихонько бренчит.
Он очень похож на старую игрушку, которую выбросили.
На кусок сургуча от конверта, на ёлочное конфетти.
На шар голубой, что крутится.
На шар голубой, что вертится.
Но ни кавалера, ни барышни не сыщешь, как ни крути.
Все кавалеры и барышни давно ветрами украдены.
И вот он сидит на дереве, оставшись совсем один.
И снятся ему извозчики и добрые старые лошади.
Кружевные белые зонтики и солнечный крепдешин.
На паутинках тоненьких прилетают старые новости.
Танцуют сдобные запахи пасхального кулича.
Перекасти-столетие отмечает свой день рождения.
И медленно-медленно-медленно тает его свеча...

Кто-то ходит в темноте, мягким шагом проникая
в сны, и спящие трамваи, замершие вдоль депо.
На деревьях спят русалки, в доме бродит домовой.
Людам никого не жалко. Клубы. Танцы. Выходной.
И никто не замечает, как Медведица Большая
мягким-мягким, тихим шагом шествует над головой.
Бегают ежи по саду, мягко рушатся плоды.
Людам ничего не надо. Люди делают следы.
Спят заросшие кварталы, обречённые под снос.
Спит в коробке на вокзале пьяный Иисус Христос.
Поезда проходят мимо, в окнах зажигают свет.
Проводник неумолимый спрашивает: «Ваш билет?!»
Нет билета. Сигарета. Рваные карманы брюк.

Там галактика укрылась от служителей наук.
Город тонет в человечестве. Человечество не тонет.
Голос, полный одиночества, заблудился в телефоне.
До утра, как до Берлина. Кто-то точно не дойдёт.
Только Иисус проспится, ужаснётся, похмелится, и отсюда
удерёт.

Свете Чермит, которой я нарисовала бегемота

Нарисуй мне бегемота цвета серых потолков,
как он на стрекозьих крыльях долетит до облаков.
Как он там нектара выпьет и закусит ветерком.
А потом ко мне вернётся и свернётся под бочком.
Мне теперь не одиноко, у меня есть бегемот.
Он в карман дырявой куртки завалился и живёт.
Меж билетом на «Титаник» и талоном к зубнику.
У него глаза ребёнка и цветочек на боку.
С бегемотом мы гуляем поздним вечером вдвоём,
кормим леших и русалок или песенки поём.
Вместе ходим на работу. Шеф зарплату нам зажал.
Бегемот им пообедал, даже ведомость сожрал...
После сильно извинялся, говорил, что не хотел...
А потом сказал стыдливо, что соседа тоже съел.
Участкового мента. Задолбавшего кента.
Два писательских Союза – вот какая красота!
Буря мглою небо кроет или враг на нас идёт –
совершенно я спокоен, у меня есть бегемот.
Мне с таким весёлым другом некогда впадать в тоску.
У него большой желудок
и цветочек на боку.